

Кузовенкова Анна Игоревна

К ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: "ГРАММАТИКА" МЕЛЕТΙΑ СМОТРИЦКОГО 1619 ГОДА

Статья посвящена "Грамматике" Мелетия Смотрицкого 1619 года, составу парадигм, уникальным особенностям, историческим предпосылкам появления, терминологии и степени ее влияния на последующую грамматическую традицию. Грамматические формы, представленные Смотрицким, сопоставлены с формами в каноническом тексте того же периода - Острожской Библии. При рассмотрении терминосистемы проводится сопоставление "Грамматики" Смотрицкого и "Российской грамматики" М. В. Ломоносова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 124-127. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

истины. Истина – заблуждение, а правда – ложь. Бороться можно только за правду – справедливость; за истину бороться нельзя (все равно, что бороться за то, чтобы отменить закон земного тяготения). То, что Земля вертится вокруг солнца, – истина, независимо от борьбы Дж. Бруно против инквизиции. Когда за это борются, это переводит истину в ранг правды. В художественном произведении может быть правда чувств, правда характера, т.е. психологическая достоверность, а истины нет, поскольку – вымысел, не факт.

Воля – свобода. Воля (семантика 'желание, хотение, стремление') – агрессивное, самоутверждающее начало без ограничений нравственного характера, не помноженное на ответственность. Это внешняя неограниченность в средствах (связь с пространством), асоциальна и аморальна. Свобода – это социализированный, морализированный, цивилизационный концепт как осознание ответственности и свобода выбора. Воля не предполагает свободы выбора, поскольку здесь потакание своим желаниям. Уникально для русского концептуального содержания совмещение в одном знаке двух пластов: воля (1) – 'источник действия' (сила воли, воля к победе, волевой) и воля (2) – 'свобода «без тормозов»' (вольный ветер, воля вольная, степная воля, дать волю словам) [Там же, т. 1, с. 209]. Это подчеркивает асоциальный источник воли в эго, в субъекте, а не в других людях, как свобода. Недаром же у нас свобода слова, свобода совести и пр., которые отнюдь не означают полную волю словам и поступкам, а предполагают разумные ограничения. Поэтому из-под стражи можно только освободиться, выйти на свободу, поскольку это действие над субъектом со стороны, над которым он не властен, но выйти на волю из душевного помещения предполагает активное действие субъекта.

Анализ важнейших культурных концептов показал, что русский языковой менталитет имеет особую специфику: помимо универсальных и уникальных концептов существуют уникальные концептные связки (воля/свобода, дух/душа, истина/правда, долг/вера).

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский семантический словарь: опыт автомат. построения тезауруса: от понятия к слову / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1983. 566 с.
3. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л.: Нева, 1991. С. 179-182.
4. Кочнова К. А. Язык культуры: концептуальный анализ языка // Тенденции развития языка СМИ: актуальные проблемы. Тамбов, 2010. С. 179-182.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
6. Степанов Ю. С. Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. 241 с.

UNIQUE MENTALITY BUNCHES OF WORDS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Kochnova Kseniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Agriculture Academy
kochnova08@list.ru

The article is devoted to the examination of the concepts of the Russian language. The study of the linguistic picture of the world is conducted through the analysis of the mentality bunches of the words. The analysis of the most important cultural concepts has shown that the Russian linguistic mentality has peculiar specificity: there are unique concept bunches (will/freedom, spirit/soul, verity/truth, duty/faith) determining the specificity of the Russian mentality (orientation to faith as a criterion of verity, the priority of concrete and figurative over mental and rational, spirituality, the synthetic character of thinking).

Key words and phrases: mentality; linguistic picture of the world; concept; mentality bunch.

УДК 811.161.1

Статья посвящена «Грамматике» Мелетия Смотрицкого 1619 года, составу парадигм, уникальным особенностям, историческим предпосылкам появления, терминологии и степени ее влияния на последующую грамматическую традицию. Грамматические формы, представленные Смотрицким, сопоставлены с формами в каноническом тексте того же периода – Острожской Библии. При рассмотрении терминосистемы проводится сопоставление «Грамматики» Смотрицкого и «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

Ключевые слова и фразы: грамматика; церковнославянский язык; Острожская Библия; М. Смотрицкий; М. В. Ломоносов.

Кузовенкова Анна Игоревна, к. филол. н.
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
akuzovenkova@mail.ru

К ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: «ГРАММАТИКА» МЕЛЕТИЯ СМОТРИЦКОГО 1619 ГОДА

По словам М. Т. Каченовского, «Грамматика» Смотрицкого «составляет эпоху в истории образования нашего языка; она одна была путеводительницей Ломоносова при наблюдениях его над свойствами русского слова» [3, с. 206]. С. П. Лопушанская замечает, что «Грамматика» Смотрицкого явилась для Ломоносова

«вратами его учености», «потому что в этой книге были впервые обобщены сведения по логике, грамматике, стилистике, риторике, правописанию и произношению церковнославянских текстов. Такое полное описание фактов церковнославянского языка наряду с особенностями восточнославянских языков (русского, украинского, белорусского) создало основу для формирования Ломоносова как языковеда» [6, с. 51]. «Грамматика» Смотрицкого привлекала внимание ученых и в XIX, и в XX веке. В 1817 году вышла статья М. Т. Каченовского «Исторический взгляд на грамматику славянских наречий», в которой он рассматривает общественно-религиозные взгляды Смотрицкого, отмечает положительные и отрицательные моменты в его «Грамматике» [3, с. 202-206]. Первый опыт лингвистического анализа «Грамматики» дан в работе Н. Засадкевича «Мелетий Смотрицкий как филолог», где отмечается, что «Грамматика» имела громадное влияние на теорию языка и книгопечатания славянской, но и для русской [2, с. 99]. В монографии Е. С. Прокошиной «Мелетий Смотрицкий» дана подробная картина эпохи конца XVI – начала XVII века, просветительской деятельности Смотрицкого [10]. В работах П. С. Кузнецова «У истоков русской грамматической мысли», Н. Б. Мечковской «Ранние восточнославянские грамматики» частично представлен анализ грамматических именных и глагольных форм в «Грамматике» [4, с. 27-33; 8, с. 64-72].

Целью статьи послужила необходимость дать анализ «Грамматики» Смотрицкого (первое издание которой вышло в Евье в 1619 г.), так как многие процессы в лингвистике, а также грамматические термины, известные современной науке, ведут свое начало с эпохи XVII века, рассмотреть вопрос о степени влияния «Грамматики» Смотрицкого на М. В. Ломоносова.

Анализ Острожской Библии с точки зрения соответствия грамматической нормы церковнославянского языка этого периода парадигмам «Грамматики» Смотрицкого позволяет сделать вывод о независимости позиции автора грамматики. Грамматист конструирует церковнославянский язык, в котором соединены как архаичные факты, так и современные ему. Эта независимость проявляется во всем: Смотрицкий не следует авторитетным церковнославянским источникам, сохраняет древние старославянские формы, например *-ѡ*; формы со свистящими согласными (*грѣси*), исконные окончания у существительных бывшего консонантного типа склонения, двойственное число, в каноническом тексте представлены более новые явления, двойственное число заменяется множественным. Что касается прогрессивных явлений в «Грамматике», то их не намного меньше, тем не менее все новое вводится достаточно осторожно и как вариант к формам древним. Смотрицкий не ориентируется на текст Острожской Библии, которая была издана в 1580 году при участии отца Мелетия – Герасима Смотрицкого, ректора Острожской академии. Независим он и от современных ему образцов грамматических трудов, которые один за другим появляются в этот период: «Грамматика славянского языка» 1586 г., «Адельфотис» 1591 г., «Грамматика славянская» Лаврентия Зизания 1596 г., «Грамматика славенская» Иоанна Ужевича 1643 г., «Грамматично изказанје об руском језику» Юрия Крижанича 1666 г. и другие. Смотрицкий, например, отказывается от такой части речи, как «различие», традиционно присутствовавшей во всех предшествующих грамматиках, начиная с трактата «Осьмь чести слова» XIV века.

Смотрицкий создавал свою «Грамматику» в сложных условиях борьбы юго-западных славян за право иметь собственную веру и язык. Первые грамматики появились в западных русских землях. Здесь еще в XIV веке вследствие объединения Польши и Литвы отмечается растущее влияние католичества. Литовские князья приняли католичество, а русское население оставалось православным. Это создавало трудности в национальных отношениях. Эти тенденции усилились к XVI веку, в середине которого (в 1569 г.) в результате Люблинской унии возникло новое государство – Речь Посполита. Здесь уроженцы Западной Руси вынуждены отстаивать свою языковую и культурную самостоятельность против устремлений польских панов и католического духовенства подчинить себе население тогдашних Белоруссии и Украины. На территории Великого княжества Литовского появляются иезуиты, стремившиеся любыми средствами подчинить православных и протестантов Папе Римскому. По мысли Папы Римского и проповедников его идей, переходным этапом от православия к католицизму на территории Украины и Белоруссии должна была стать церковная уния. Это, в свою очередь, стало бы отправной точкой для наступления на Московское государство. Брестская уния 1596 г. и стала средством окончательного подчинения Западной Руси польским панам, а высшего западнорусского духовенства – верховной власти Папы. Формально уния была принята, однако народные массы не признали ее. Борьба протекала во всех сферах общественной жизни, одной из форм ее проявления было развитие просветительства на славянском языке. Во главе стояли братства – массовые организации, создававшиеся во всех крупных городах Западной Руси. Их деятельность была проникнута реформационными идеями, которые были связаны с борьбой против католической церкви, за церковь, в которой служение должно было вестись на родном языке. Братства открывали школы и академии, издавали полемическую литературу на славянском языке. В Речи Посполитой, как и во всех западноевропейских странах в средние века, языком культуры являлся латинский, подвергнутый схоластической обработке в отношении грамматического строя и лексики. Чтобы бороться с врагами их же оружием, необходимо было церковнославянский язык довести до того же уровня грамматической обработанности, каким обладал латинский язык.

Назревала и внутренняя потребность в развитии церковнославянского языка. По словам М. Б. Ботвинника, «в море неграмотности, которое раскинулось на территории Великого княжества Литовского, в средние века появились маленькие островки культурной жизни – белорусские и украинские города». Зарождение светского направления наряду с церковным было вызвано «развитием социальных, экономических и культурных отношений в средневековом украинском и белорусском городе». XVI-XVII вв. – время экономического подъема, когда назревает необходимость в получении знаний светского характера [1, с. 83]. По мнению

исследователя, Лаврентий Зизаний стремился создать учебную литературу, которая была бы доступна для чтения в братских школах. «Граматику» Смотрицкого с незначительными сокращениями также использовали в качестве школьного учебника. Независимая позиция Смотрицкого обусловлена его идеей создать общеславянский язык, который примирил бы всех славян. В смутное время духовным стержнем вполне мог выступать церковнославянский язык – сакральный, культовый. Вот как пишет о его высоком предназначении Л. П. Якубинский: «церковнославянский язык, распространенный как язык церковного богослужения и церковной письменности, во всех областях удельной России получает особое значение. Он оказывается носителем языкового единства в строящемся едином государстве» [11, с. 131]. Неслучайно в «Грамматике» Смотрицкого обнаруживается влияние многих славянских языков:

1) украинского и белорусского (например, формы со свистящими согласными, такие как **сносьѣ**, или формы глаголов в повелительном наклонении **чтѣтѣ**, которые образованы под влиянием малорусских форм **несетѣ**, **горитѣ** и т.д.) [4, с. 26];

2) влияние литовского языка (проявляется в разграничении ДП и ТП в двойственном числе: **воиннома** и **воиннама**);

3) польского языка (например, формы глаголов в сослагательном наклонении **члнсмъ**, **члнсли** и т.д.);

4) русского (формы имперфекта: **чнтѣахъ**).

Что касается достижений Смотрицкого в области языкознания, то в его «Грамматике» стала разрабатываться орфография. Значительны достижения Смотрицкого и в морфологии. Впервые им сделана попытка выделить словообразовательные типы. В системе глагола впервые вводит: 1) понятие о переходности/непереходности; 2) современные способы глагольного действия; 3) категорию глагольного вида в современном понимании; 4) распределение глаголов на 1-е и 2-е спряжение по форме 2 л. ед. ч.

Сопоставление двух грамматических трудов – «Грамматики» Смотрицкого и «Российской грамматики» М. В. Ломоносова позволяет говорить об очень сильной степени влияния Смотрицкого на Ломоносова и на русский язык. В «Российской грамматике» Ломоносов выводит те же восемь частей речи, что и Смотрицкий, но делит их на «главные» (Имя, Глагол) и «служебные» (Предлог, Союз, Наречие, Междуметие, Причастие). Термин «междуметие» введен, очевидно, для того, чтобы сделать внутреннюю форму прозрачной. Однако в современной грамматике сохраняется термин Смотрицкого. В разделе о степенях сравнения имен Ломоносов использует идентичные термины, а порой и дефиниции к ним, что и в «Грамматике» Смотрицкого.

В «Российской грамматике» очень подробно рассматривается вопрос об изменении существительных по падежам и числам. Попытка дать определение падежа сделана еще Смотрицким. В «Российской грамматике» отсутствует прямое определение падежа. Лишь в черновых записях Ломоносов пишет: «Падежем называется перемена окончания имен, по разным действиям или страданиям сочиненных с ними глаголов определенная» [Там же, с. 64]. Особого внимания заслуживает система времен в «Российской грамматике» Ломоносова. В предисловии ко второму изданию грамматики М. В. Ломоносова И. И. Давыдов отмечает: «Главный недостаток исследований о глаголе происходит от опущения видов, которые различены были Мелетием» [5, с. XXIV]. В «Российской грамматике» Ломоносов вводит следующую систему времен: «Настоящее»: трясу, бросаю; «Прошедшее неопределенное»: тряс, бросал; «Прошедшее однократное»: бросил; «Давно прошедшее первое»: брасывал; «Давно прошедшее второе»: бывало бросал; «Давно прошедшее третье»: бывало трясывал; «Будущее неопределенное»: буду трясти; «Будущее однократное»: трякну; «Прошедшее совершенное»: написал от напишу; «Будущее совершенное»: напишу. В. Н. Макеева считает, что в грамматической литературе до середины XVIII в., предшествовавшей «Российской грамматике», учение о виде как об одной из грамматических категорий глагола совершенно не было разработано. Лишь в «Российской грамматике» в перечислении времен и их значений есть отчетливо наметившиеся значения категории вида, не названной терминологически [7, с. 135]. Вместе с тем уже разработанная Смотрицким система времен свидетельствует о развитии категории глагольного вида, несмотря на то, что термин «вид» в его «Грамматике» имеет лишь словообразовательное значение («строение слова»).

Таким образом, уникальность грамматического труда Смотрицкого обусловлена независимой позицией его автора. В нем он конструирует общеславянский язык, соединяющий архаичные и инновационные черты, что способствует его огромному влиянию на дальнейшее развитие грамматической традиции. Многие термины, впервые введенные Смотрицким, используются до сих пор: «этимология», «орфография», «просодия», «синтаксис», «деепричастие», «местоимение» и др. В данном случае совершенно справедливы слова Н. Засадкевича: «Смотрицкому принадлежит наша грамматическая терминология, отчасти измененная Ломоносовым, а в некоторых случаях до сих пор уцелевшая, несмотря на попытки Ломоносова изменить ее, мы говорим, например, буквы, а не письмена, слог, а не склад, междуметие, а не междуметие и прочее» [2, с. 98].

Список литературы

1. **Ботвинник М. Б.** Лаврентий Зизаний. Минск: Наука и техника, 1973. 200 с.
2. **Засадкевич Н. Н.** Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса: Тип. П. Францова, 1883. 206 с.
3. **Каченовский М. Т.** Исторический взгляд на грамматику славянских наречий // Вестник Европы. 1817. Ч. 93. № 11. С. 186-208.
4. **Кузнецов П. С.** У истоков русской грамматической мысли. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 76 с.
5. **Ломоносов М. В.** Российская грамматика / с вступ. статьей И. И. Давыдова. СПб.: Императорская Академия наук, 1856. LXXXVI+152 с.
6. **Лопушанская С. П.** О вратах учености. Волгоград: Изд-во Волг. гос. ун-та, 1998. 190 с.

7. **Макеева В. Н.** История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 173 с.
8. **Мечковская Н. Б.** Ранние восточнославянские грамматики / под ред. А. Е. Супруна. Минск: Изд-во «Университетское», 1984. 158 с.
9. **Прокошина Е. С.** Мелетий Смотрицкий. Минск: Наука и техника, 1966. 160 с.
10. **Якубинский Л. П.** Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка // Якубинский Л. П. Язык и его функционирование: избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 128-159.

**ON THE HISTORY OF GRAMMATICAL TRADITION:
“GRAMMAR” BY MELETIUS SMOTRYTSKY OF 1619**

Kuzovenkova Anna Igorevna, Ph. D. in Philology
Kazan State University of Architecture and Engineering
akuzovenkova@mail.ru

The article is devoted to “Grammar” by Meletius Smotrytsky of 1619, the composition of the paradigms, the unique peculiarities, the historical prerequisites of the appearance, the terminology and the degree of its influence on the following grammatical tradition. The grammatical forms, which were presented by Smotrytsky, are compared with the forms in the canonical text of the same period – The Ostrog Bible. While considering the term system the confrontation of “Grammar” by Smotrytsky and “Russian Grammar” by M. V. Lomonosov is conducted.

Key words and phrases: grammar; the Church Slavonic language; The Ostrog Bible; M. Smotrytsky; M. V. Lomonosov.

УДК 811.111’366

В статье предпринимается попытка выявить некоторые когнитивно-семантические особенности ряда темпоральных коннекторов-предлогов в английском языке, в частности предлогов, способных указывать на последовательность временных отрезков или событий на временной оси единого событийного времени. Автор полагает, что темпоральные предлоги, образующие один синонимический ряд, могут представлять различные способы концептуализации времени в сознании человека.

Ключевые слова и фразы: категория времени; темпоральные коннекторы-предлоги; траектор/ориентир; идентифицирующий предикат; событийные/временные существительные; концептуализация времени.

Кулакова Татьяна Николаевна, к. филол. н.
Пятигорский государственный лингвистический университет
tate09@mail.ru

**К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ
ТЕМПОРАЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ-ПРЕДЛОГОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Категория времени представляет на сегодняшний день несомненный интерес для исследователей ввиду того, что эта категория является фундаментальной наряду с такой категорией как пространство. Тесная взаимосвязь этих двух категорий прослеживается в том, что временные понятия появились в ходе переосмысления пространственных концептов [4, с. 42]. Это, в свою очередь, находит своё отражение в представлении языковой модели временных отношений по пространственной схеме. Об этом также свидетельствует семантическая двойственность многих пространственных выражений. Более того, прослеживается определенное этапность в освоении языкового строя ребенком. Так, например, было отмечено, что из темпоральной лексики первыми в обиход начинают входить наречия, причем наречия места появляются раньше, чем наречия времени. Сам процесс освоения окружающего мира заключался в упорядочении когнитивных структур, образующихся в ходе познавательной деятельности человека. А языковая форма, в свою очередь, является «отражением когнитивных структур, определяющих архитектуру человеческого речемыслительного процесса» [1, с. 15]. Под пространственной структурой понимается представление пространства как совокупности сопряженных между собой областей сущего, а под временной структурой понимается представление пространства в сознании человека как последовательности сопряженных областей сущего, неразрывно связанных между собой. Отражение этих категорий особенно ярко проявляется в значениях локативных и темпоральных коннекторов.

Во многих работах, посвященных исследованию семантических особенностей темпоральных предлогов, временное поле, как правило, поделено на такие семантические области как соотнесение действия с определенным временным моментом и определение временной протяженности. В свою очередь, семантическая область временного соотнесения действия может распадаться на семантические участки совпадения, предшествования, следования во времени и т.п. А в семантической области определения временной протяженности могут выделяться участки, характеризующие длительность периода, которая ограничивается наличием исходного или конечного предела [3, с. 67]. В исследовании И. В. Бариновой временная протяженность описывается в терминах дисперсионного потока или поделена на дискретные отрезки [2, с. 98]. В целом, можно